

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

И.Н. Сиземская

ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ А.И. ГЕРЦЕНА

Аннотация: в статье рассматривается одна из ключевых идей историософских воззрений А.И. Герцена — о «растрёпанной импровизации истории», позволяющая адекватно представить взгляды мыслителя на проблему вариативности исторического процесса, роль в нем случайности и целенаправленной деятельности человека. Автором статьи идея интерпретируется в её созвучности современному социально-философскому знанию.

Ключевые слова: философия, история, нелинейность исторического процесса, историческая импровизация, случайность, возможность, хаос, порядок, прогресс, человек как субъект истории.

Нас сердит нелепость факта ...как будто кто-то обещал, что все в мире будет изящно, справедливо и идти как по маслу.

Довольно мы удивлялись отвлечённой премудрости природы и исторического развития; пора догадаться, что в природе и истории много случайного, глупого, неудавшегося, спутанного.

А.И. Герцен

1. Философское наследие А.И. Герцена

А.И. Герцен сложный мыслитель, его философские идеи не имеют однозначного толкования: западники упрекали его в уступках славянофилам, славянофилы критиковали как западника, кто-то находил в его мировоззрении христианские идеи, видя в нём «религиозного искателя», кто-то, напротив, считал его родоначальником русского позитивизма и одновременно романтиком, демократы, не без основания, воспринимали его как глашатая революционных идей, реформаторы, искали в его взглядах мысли, созвучные своим представлениям на переустройство российского общества, одни обвиняли его в «историческом алогизме» и пессимизме, а другие считали неисправимым оптимистом, верящим в действенную и конструктивную силу человеческого вмешательства в историю. И каждый был прав, потому что Герцен, как никто другой, с равным успехом реализовал в своих философских изысканиях разные методологические основания и векторы историософского анализа.

И это не было проявлением эклектизма. Это было выражением признания и подтверждения значимости разных подходов, если речь идёт о понимании исторического бытия, о следовании, по его собственному определению, «нигилизму как науке без догматов», «антидоктринёрству». Это было признание ущербности любой односторонности в объяснении мира, оперирующей дихотомией «или-или». За кажущейся непоследовательностью стоял осознанный скептицизм, предполагающий признание правомерности противоположной точки зрения. Приведу в этой связи оценку герценовского философского наследия А.И. Володиным: «Материалист Герцен или идеалист? — Детерминист или индетерминист? — Рационалист или иррационалист? — Коллективист или индивидуалист»?.. Можно сколь угодно долго множить эти вопросы до тех пор, пока не осознается неправомочность разделительного «или» применительно к Герцену. В нём есть все «крайности», которые запечатлены в принятых в научном обиходе и по общему правилу исключающих друг друга понятиях. Каждое из этих понятий обнаруживает под его пером свою относительность, свою правду... Мало того: в Герцене есть сознание единства, «круговой поруки», обозначаемых этими и многими иными парами категорий реальных противоположностей¹. Двудликий Янус? — Да, если вспомнить, что обращённость лика мифологического образа в противоположные стороны символизировала креативное,

¹ Володин А.И. Об историософии Герцена (по статье «Роберт Оуэн») // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 84.

творческое начало². Так, и у Герцена принятие разных истин как выражающих *реальность* противоположностей было, продуктивным исследовательским началом, на котором выросла «своя, особого рода диалектическая историософия, не признававшая никаких абсолютов»³.

Есть и ещё один момент, объясняющий трудности адекватного прочтения Герцена — это особый герценовский стиль изложения и аргументации доводов в защиту своих мыслей. Я имею в виду не только тот факт, что, прекрасно владея литературным языком, он предпочитал *художественную форму* (роман, повесть, эпистолярный жанр) для своих философских изысканий, что в его творчестве мы находим редкий синкретизм понятийного и образного, философского и художественно мышления, постоянно ощущая, как художник буквально «врывается» в работу мыслителя. — Я имею в виду, прежде всего то, что герценовское философское наследие *по своей сути диалогично*. И уже в силу этого оно не носит системного характера. Герцен мастер диалога как способа философской полемики, все его идеи, мысли *как бы рождаются* в свободном споре с реальными (М.А. Бакунин, Н.П. Огарёв, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский, Александр II) или вымышленными (литературные герои, образы) оппонентами. Именно «как бы», потому что за кажущейся импровизацией спора стоит продуманная, и достаточно жёсткая логика «вопросов-ответов». Не оттого ли его взгляды представлялись часто скорее мировоззрением, нежели философией?

Отмечая этот момент как существенный В.В. Зеньковский писал: «Философские идеи Герцена часто высказываются им «*en passant*» и их надо собирать, систематизировать, *за него* иногда формулировать общие положения»⁴. Не могу, правда, согласиться, что общие положения надо формулировать за Герцена, — и общие положения, и идеи, и их эпистемологически-онтологическая соотнесенность всегда прочитываются и при этом, что важно, в одном и том же, а именно — *историософском*, ключе. Последний задаёт *концептуальную схему*, внутри которой каждая идея, каждое

общее положение играет свою функциональную роль в защите определённой философской позиции, касается ли это интерпретации многовариативности исторического процесса, критики телеологизма и натурфилософского рационализма, определения роли личности «как рулевого» в истории, обоснования неразрывности связи теоретического и оценочного момента в понимании исторического бытия, изложения сути прогресса и в этой связи роли реформ и революций в развитии общественных форм, гражданского общества, в достижениях политических свобод. Но верно, в этом Зеньковский бесспорно прав, что Герцен никогда не приводил в систему свои философские взгляды, да и не ставил такой цели. «У меня нет никакой системы», — не раз писал он, признаваясь, что не имеет доктрины, утверждая этим признанием своё право как мыслителя на свободное от поклонения признанным авторитетам изложение своих воззрений и свою уверенность в их *востребованности* европейско-российской мыслью и практикой революционно-демократической борьбы. Просто его свободный дух «не знал никаких кумиров и не боялся никакой правды»⁵. И это то главное, что объясняет в его воззрениях всё, включая их внутреннюю противоречивость и честную, не скрываемую пристрастность суждений.

Впрочем, возможность отклонения от построения логически замкнутой системы при изложении философских взглядов принимал не один Герцен. Практически в отсутствии систем можно «обвинить» всю отечественную философскую мысль, развивавшуюся в такой форме вплоть до 80-90-х гг. XIX в. Чем была вызвана такая её особенность — это отдельный разговор, отмечу лишь, что, сегодня, наконец-то, она признана исследователями как позитивный факт, оказавший своё влияние на последующее развитие, в том числе и европейской философии. А в связи с Герценом я приведу суждение известного исследователя истории отечественной общественной мысли Иванова-Разумника: «Мысль, знание, убеждение, догмат никогда не остаются у нас в состоянии теории и абстракции, не стремятся заточить себя в академический монастырь или же спрятаться

² См.: Громов Н.М. Двудесятилетний Янус // Актуальность Герцена. (Материалы конференции) // Вопросы философии. 2010. № 12.

³ Володин А.И. Об историософии Герцена (по статье «Роберт Оуэн») // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 85.

⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 266.

⁵ Струве П.Б. Герцен // Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 291. «Герцен был воплощением стихии свободы как вечной стихии человеческого духа. Он всегда боролся, всегда сомневался, всегда искал». Там же. С. 289.

в шкафу учёного, среди ядов: напротив, не достигнув зрелости, они бросаются с чрезмерной стремительностью в практическую жизнь, желая допрыгнуть, со связанными ногами, от прихожей до конца арены»⁶. Эта характеристика может быть отнесена и к Герцену, человеку, поражающему и сегодня своей способностью соединять идеи с деятельностью и устремлённостью через них влиять на действительность. Его мысли всегда «допрыгивали до конца арены», а многие из них «перепрыгивали» границы её исторического пространства, о чём свидетельствует неослабевающий интерес к ним в течение уже более 150 лет, напоминая каждому поколению, что «и слово есть дело» (Герцен).

Если говорить об историософских идеях Герцена, то наиболее полное выражение они нашли в его работах «С того берега» (1850), «Роберт Оуэн» (1860), включённой им в качестве отдельной главы в «Былое и думы», «Концы и начала» (1862), его духовное завещание «К старому товарищу» (1870). Именно в этих работах с наибольшей широтой и глубиной нашли выражение главные идеи, касающиеся его воззрений на историю, общественное развитие и личность — идея «растрёпанной импровизации истории», вариативности исторического движения, «печальной роли случая», активной роли человека в преобразованиях общественных форм жизни и пагубности насильственной их ломки, объективности оснований социалистического идеала. Пафос, объединяющий все эти идеи — убеждённости в том, что история «*никуда не идёт*», а общество по своей сути представляет открытую саморазвивающуюся систему. Эти идеи очевидно вписываются в современную картину мира, и могут быть отнесены к *упреждающим своё время*. Они очень созвучны современным идеям о саморазвитии открытых систем, которые сегодня утвердились в проблемном поле синергетики, прежде всего в приложении к анализу общества в ситуации социального выбора⁷. Можно сказать, что эти идеи

в известном смысле стоят у истоков прорыва к синергетическому видению последней. И пусть не покажется амплитуда такой параллели слишком широкой, — философское наследие Герцена ещё таит не мало подтверждений его созвучности современному социальному знанию.

Многие из проблем Герценом лишь *поставлены*, но кто сказал, что постановка проблемы менее значима, чем предлагаемое решение? У *поставленной* проблемы то бесспорное мыслительное преимущество, что она *открыта* для размышлений и обсуждений, а не есть ли это первое условие развития знания? Герценовская идея о «растрёпанной импровизации истории», на мой взгляд, наиболее созвучна современным представлениям именно заложенной в ней *обращённостью к размышлениям*.

2. А.И. Герцен о «растрёпанной импровизации истории»

Понятие «растрёпанная импровизация истории», конечно, сразу вызывает вопрос: что это — яркая метафора, которых у Герцена очень много, или *концепт*, за которым стоит эвристическая идея, несущая особую теоретическую нагрузку? Ответ может быть такой: **и** метафора, *адекватно* отражающая суть его понимания исторического процесса, **и** концепт, фиксирующий очень важную историософскую мысль об импровизационных началах истории⁸. Это была одна из провидческих идей Герцена, одна из тех его гениальных догадок, которая для него стала исходной и в воззрениях на историю, и в вопросе об отношении России и Европы, и в обосновании русской модели социализма. Герцен формулирует свою мысль не только предельно чётко и ёмко, но и эстетично, как всякий раз бывало, когда речь

Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999; Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 1.

⁶ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. 1-2. СПб., 1914. Т. 2. С. 672.

⁷ См.: Синергетическая парадигма. М., 2009; Дебердеева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. М., 2005; Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. М., 2000; Назаретян Н.А. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2001; Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999; Аршинов В.И.

⁸ Метафора у Герцена никогда не бывает случайной: за «растрёпанной импровизацией истории» просматривается противоречивая мысль: с одной стороны, просветительское упование на разум более не вызывает прежнего оптимизма (отсюда — «растрёпанная»), с другой стороны, и позитивистские истины тоже не устраивают в прежней мере, поскольку стало очевидно, что разнообразию исторического опыта тесно в их рамках, исключавших исторические нелепости, случайности и незапланированные отклонения хода истории, «причудливость кривой истории» (отсюда — «импровизация»).

заходила о значимых для него идеях. — «Если бы человечество шло прямо к какому-нибудь результату, тогда истории не было бы, а была бы логика, человечество остановилось бы готовым в непосредственном status quo, как животные <...> libretto нет. А будь libretto, история потеряет весь интерес, сделается ненужна, скучна, смешна. <...> В истории всё импровизация, всё воля, всё ex tempore (тотчас, без приготовления — И.С.), вперёд ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь в жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдаль куда хотят, куда только есть дорога ...»⁹.

У истории нет предзаданной цели — вот главная мысль. А значит нет плана, программы, predetermined развязки, — «с predetermined планом история сводится на вставку чисел в алгебраическую формулу»¹⁰. Она именно импровизирует, иногда даже на одну и ту же тему, а иногда и неудачно. А почему её импровизации носят «растрёпанный характер»? Да всё по той же причине — история, не зная, «куда идёт», а точнее, «готовая идти всюду» (если этому ничто не мешает), «пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот ... которые отпрутятся ... кто знает?»¹¹. Естественно, такие поиски не могут не быть «растрёпанными», при этом образность формулировки бесспорно усиливает суть мысли: история боится «причёсанного» — **спокойно-равновесного** — состояния, таит в своих недрах множество вариантов, тысячу необходимых и случайных условий их реализации. В поисках собственных путей она обходит возникающие преграды, устремляясь в том направлении, которое вдруг обнаруживает для себя наиболее подходящим и адекватным своим поискам, находя каждый раз для своих импровизаций «оправдание» в сакраментальном, любимом Герценым, «roug quo pas» (почему бы нет).

На первый взгляд мысль может показаться проявлением крайнего алогизма, за что не раз и упрекали её автора. Чтобы убедиться в неправомерности (или правомерности) таких упреков, надо воспринимать её «в связке» с другими идеями и суждениями Герцена об истории, — теми, что

являются её конкретизациями, включёнными, как может показаться на первый взгляд в разные контексты, но смыслово возвращающих каждый раз к ней как к исходной идее его «исторической эмбриогении», а именно: истории «ненавидит фронт и никогда не идёт правильным маршем вперёд». Какие идеи конкретизируют это историческое кредо Герцена?

Прежде всего идея, утверждающая, что *цель истории — настоящее*. Если история постоянно импровизирует и при этом «растрёпанно», значит у неё *нет предзаданной цели (идеи)*, в движении к которой она, развёртывая своё многообразие, приближается к своему конечному пункту. А что тогда есть? Ведь, её движение стремится всё-таки к некоторой упорядоченности, выбрав свой вектор. Есть **настоящее**, развитие, самореализацию которого и можно назвать целью истории. — Другой цели, отвечает Герцен своему собеседнику, нет и быть не может. Каждый исторический миг ценен сам по себе, его назначение — «открыться» в своих возможностях до конца, его назначение он сам, его *сегодняшнее бытие*. Последнее замкнуто по своему, «как всякий год с весной и летом, с зимой и осенью, с бурями и хорошей погодой. Оттого каждый период нов, свеж, исполнен своих надежд, сам в себе носит своё благо и свою скорбь, *настоящее принадлежит ему* (подчёркнуто — И.С.)»¹². Эта метафора выражает суть главного постулата историософии Герцена: назначение каждой исторической фазы — самореализация существующего. В этом контексте, кстати сказать, и социализм есть общественное состояние, которое может быть только результатом полной реализации предшествующей ему исторической фазы. — В противном случае, старый порядок, как не получивший своего исторического завершения, восстановит себя даже на своих развалинах. Так понятая историческая цель (необходимость) расставляла новые акценты в понимании взаимосвязи настоящего и будущего: она отрицала наличие между ними причинно-следственной связи. (Идея, очень близкая современным представлениям.) Будущее — это лишь импровизация на тему настоящего.

Будущее прорастает из настоящего, из тех наличных условий, которые по воле случая складываются в его историческом бытии и придают этому «прорастанию» во многих слу-

⁹ Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. М., 1975. Т. 3. С. 251-252.

¹⁰ Герцен А.И. Былое и думы. Роберт Оуэн // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. М., 1975. Т. 7. С. 233.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч. в восьми томах. М., 1975. Т. 3. С. 251.

чаях неопределённый, а точнее вариативный характер. Но это ничуть не противоречит, по убеждению Герцена, тому обстоятельству, что сквозь всю историю можно просмотреть нить, увязывающую настоящее с будущим. История, никогда не бросает найденные ею формы, предоставляя им шанс развиться до конца, что и обеспечивает почву для будущего. Иными словами, есть настоящее — значит есть шанс у будущего, жизненные силы первого во многом определяют возможность второго. Вот почему цель истории (если, уж, о таковой говорить и таковую искать) «есть ничто иное, как мы с вами, да плюс настоящее всего существующего: тут все входит: и наследие всех прошлых усилий и зародыши всего, что будет»¹³. Существование старых форм с зарождающимися новыми — это генетическое свойство истории, которое, с одной стороны, есть гарантия необходимой исторической стабильности (аттрактора, говоря в терминах синергетики¹⁴), с другой стороны, причина исторических разрывов, появления исторических развилки (бифуркаций), ставящих общественную систему перед выбором нового вектора эволюции («эволюционного канала», опять же по терминологии современного знания), новой направленности хода истории.

Правда, и у этого алгоритма истории, считает Герцен, *нет жёстко прочерченной необходимости* — и это ещё одна идея, конкретизирующая смысл понятия «растрёпанная импровизация истории». Алгоритма нет потому, что может *вмешаться случай* в лице «человеческого фактора», и потому, что могут подключиться совершенно неожиданные обстоятельства, в том числе природного характера, под влиянием которых история прервёт свой ход. — Мало ли что может произойти? (Пролетающая комета «зацепит» земной шар, геологический катаклизм всё «поставит вверх дном» и т.п.). «Нет ничего абсолютно необходимого, — уверен Герцен. — Будущее не бывает необходимо предрешено; неминуемого предназначения нет. <...> Будущее слагается из вопросов, слагающихся под рукой, из окружающих условий; оно продолжает прошедшее, общие устремления, смутно выраженные, изменяются в зависимости от обстоятельств.

Обстоятельства решают, как это произойдёт, и неясная возможность становится свершившимся фактом»¹⁵. В этих рассуждениях можно услышать голос автора, получившего естественно-научное образование, в системе которого природа и история неразрывно связаны. Видимо поэтому (в том числе) параллели с природой, хотя бы в аллегорической форме, в рассуждениях Герцена об истории присутствовали всегда. Сама идея «растрёпанной импровизации истории» могла возникнуть только в парадигме такого сравнительного анализа. Вот лишь одно из многих тому подтверждение. Обосновывая идею, что цель для каждого поколения — оно само, что единственная цель истории — это настоящее, Герцен пишет: «Природа никогда не только не делает поколений средствами для достижения будущего, но она вовсе о будущем не заботится; она готова, как Клеопатра, распустить в вине жемчужину, лишь бы потешиться в настоящем, у неё сердце баядеры и вакханки»¹⁶. Речь, казалось бы, идёт о природе, но нет — природа лишь повод, «отправная точка» для суждений об истории. Все идеи о вариативности, нелинейности и многообразии форм исторического процесса включают каждый раз «отсылку» к природе, её понятие сосуществует рядом с понятием истории. Часто создаётся впечатление, что Герцену легче найти аргументацию в защиту своих идей, обратившись именно к природе.

Но следует подчеркнуть и другое: Герцен никогда не стоял на позициях вульгарного материализма, параллели «природа — история» в рамках его «исторической эмбриогении» не были проявлением грубого редукционизма, и даже не имели характер натуралистической тенденции. В его рассуждениях, они отражали, с одной стороны, несогласие с традиционным дуализмом в воззрениях на связь истории и природы, а с другой стороны, содержали несогласие с просветительским оптимизмом, абсолютизирующим конструктивно-позитивную роль разума в истории.

Тезис о том, что история таит в себе множество возможностей, которые могут развиваться, а могут и «запнуться на полдороге» вызывал множество упреков со стороны оппонентов: одни упрекали Герцена за такие мысли в скептицизм

¹³ Там же. С. 249.

¹⁴ Аттрактор — относительно устойчивое состояние системы, «притягивающее» к себе множество её траекторий и не позволяющее вернуться в исходное состояние.

¹⁵ Герцен А.И. Старый мир и Россия // Герцен А.И. Избранные труды. М., 2010. С. 373.

¹⁶ Там же. С. 250.

ме, другие в пессимизме. Сам он свои рассуждения подводил под один общий знаменатель: признание за историей (как и за природой) способности к импровизации. Это была мысль, от которой Герцен не отступал никогда. Но именно она подводила к другой, тоже сущностно связанной с его мыслями об отсутствии у истории предзаданной цели, идее, — *идее прогресса*.

В контекст герценовских историософских воззрений традиционное представление о прогрессе как цели истории, ради достижения которой работают и живут все предшествующие поколения, *просто не укладывалось*. «Не проще ли понять, — убеждал Герцен своих оппонентов, — что человек живёт не для *свершения судьбы*, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился для (как ни дурно это слово) ... для настоящего, что вовсе не мешает ему ни получать наследство от прошедшего, ни оставлять кое-что по завещанию. Это кажется идеалистам унижительно и грубо; они никак не хотят обратить внимание на то, что всё великое значение наше, при нашей ничтожности, при едва уловимом мелькании личной жизни, в том-то и состоит, что пока мы живы, пока не развязался на стихии задержанный нами узел, мы *всё таки сами*, а не куклы, назначенные выстрадать прогресс или воплотить какую-то бездомную идею»¹⁷. Защищая человека, его *право на жизнь в настоящем*, Герцен протестует против принесения его в жертву каким бы то ни было, даже святым, как это может казаться, целям. Если человек становится жертвой, а его жизнь низводится до уровня средства, — история вообще утрачивает модус прогрессивного движения. «Если прогресс — цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и, в утешение изнурённым и обречённым на гибель толпам, которые ему кричат: *Moriguri te salutant* (осуждённые на смерть приветствуют тебя — И.С.), только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле?»¹⁸.

Нельзя обрекать людей, в какое бы время они ни жили, на участь кариатид, поддерживающих террасу, на которой когда-нибудь другие

будут беспечно веселиться. Жертва во имя цели уничтожает саму цель, а любое оправдание жертвы есть не более, как циничная *уловка*, ведь, приносимые жертвы есть тот баланс, который не позволяет будущим поколениям восстановить их реальную связь с прошлым. Теория прогресса, исходящая из идеи, что всё последующее развитие определяется целенаправленной деятельностью к достижению идеала, во имя которого оправданы любые жертвы, мало что объясняет и в действительных причинах, вызывающих к жизни исторические события. К сожалению, слова Герцена не были услышаны будущими поколениями, а в них было серьёзное предостережение о пагубности соблазна жертвенности, за которую, показал исторический опыт нашей страны, легко можно упрятать несостоятельность будущих проектов и неумение организовать настоящее.

Могут сказать, что гуманистический пафос Герцена против так понимаемого прогресса, есть проявление духовно-нравственных, ценностных установок борца *за свободу лица*, каким Герцен вошёл в историю отечественной культуры и истории. Да, конечно, это так. Но дело всё в том, что нравственная установка борца в нём органически соединялась с историософскими воззрениями исследователя. Для Герцена мыслителя историческое пространство есть место, в котором реализуются, проходят свой жизненный цикл найденные историей формы человеческого бытия, их трансформация в новые формы жизни в соответствии с теми условиями и обстоятельствами, которые складываются когда естественным путём, а когда как результат деятельности человека. В контексте таких воззрений на историю понятие прогресса, включающее принесение жертв во имя будущего просто утрачивает статус научного понятия. Единственное толкование, с которым Герцен соглашается, это определение его как *«родовой рост человечества»*, *«свойство преемственно продолжающегося существования поколений»*, *«деятельная память и физиологическое усовершенствование людей общественной жизнью»*¹⁹, *«майорат человечества»*²⁰. Прогресс — это, непрекращающееся движение по пути самореализации и

¹⁷ Герцен А.И. Былое и думы. Глава «Роберт Оуэн» // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 7. М., 1975. С. 235.

¹⁸ Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч. в восьми томах. Т. 3. М., 1975. С. 249.

¹⁹ Там же. С. 249.

²⁰ Герцен А.И. Старый мир и Россия // Герцен А.И. Избранные труды. М., 2010. С. 381.

совершенствования общественных и индивидуальных способов человеческой жизни и самого человека как творца, принимающее форму своеобразной «круговой поруки» (снова метафора, но как точно выражающая суть идеи).

3. Открытость истории для человеческого творчества

Склонность истории к постоянной импровизации вовсе не означает, по мнению Герцена, что она закрыта для деятельного, творческого участия в ней человека. — Она даже готова идти *за ним*: «не имея ни программы, ни заданной темы, ни неминуемой развязки, растрёпанная импровизация истории готова идти с каждым, каждый может вставить в неё свой стих, и, если он звучен, он останется *его* стихом, пока поэма не оборвётся, пока прошедшее будет бродить в её крови и памяти»²¹. Человек включается в исторический процесс одновременно в качестве *активной стихии и на правах рулевого*, способного при знании фарватера направить корабль истории по выбранному им курсу. *В выборе этого курса и состоит его свобода*, убеждён Герцен. Люди — «не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пёструю ткань истории». Они знают, что ткань ковра не без них шьётся, и что своими деяниями они вполне *могут переменить узор ковра*. Иногда это вмешательство в ход событий бывает столь сильным, что человек становится *сотворцом* истории.

Конечно, меняя узор ковра, люди, как и сама история, могут «споткнуться» — и потому, что не верно просчитали свои действия, и потому, что объективные возможности находятся в состоянии «постоянного возбуждения», готовы затаиться или предстать в новом облике. Ведь, «правит» их реализацией всё-таки импровизационное начало истории, движение которой в силу этого не то что *не может* не отклониться от ожидаемого человеком направления, но *должно* беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию, происходящему от отсутствия определённых целей. — В общем, Крот истории, по Герцену, роет во всех направлениях. Поэтому, хотя история и готова идти, «куда ей укажут», но реально «слагается *a fur et a mesure* (по мере того, как — И.С.) бездной друг на друга действу-

ющих, друг с другом встречающихся, друг друга останавливающих и увлекающих частностей»²². И потому положение человека в истории, его деятельное включение в её ход чрезвычайно сложно — «тут он разом *лодка, волна и кормчий*. Хоть бы карта была!»²³.

Его свобода, если о таковой вообще говорить, есть *свобода в необходимости*. Её возможности возрастают в точке исторического выбора, в момент переходного состояния (флуктуации), сопровождающегося нарушением меры упорядоченности в социальных фазах. Для описания данного состояния и значимости его в системе стихий (причин) исторического движения Герцен вводит понятие *хаоса* (созвучное синергетическому термину энтропии), утверждая отсутствие порядка в «статусе» естественного момента истории. Хаос — это катализатор появления нового, с ним связан выход из застывшего, равновесного состояния и переход в новое качественное состояние²⁴. В такой исторический момент возникает важный для человека (и истории) вопрос — о выбираемых им средствах и способах воздействия на ход исторических событий, и прежде всего, об ожидаемых результатах насилия, революционной ломки старых форм.

Взгляды Герцена на эту проблему менялись по мере изменения исторической ситуации в Европе (революционные события 1848 г.) и в России (осуществление реформ, начатых отменой крепостного права)²⁵. Своё завершение они нашли в известных письмах «Старому товарищу», которые можно считать его духовным завещанием²⁶.

²² Там же. С. 232.

²³ Там же. С. 233.

²⁴ «Шаткое равновесие всего живого колеблется и до некоторой степени уступает уклонениям; но ещё шаг в ту же сторону — и худо стянутый узел, связующий их, развязан, и освобождённые элементы идут в другое сочетание», — становятся причиной, стихией движения вперёд, движения по новым эволюционным каналам. — Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. М., 1975. Т. 8.

²⁵ См.: Кантор В.К. Трагедия Герцена, или искушение радикализмом // Актуальность Герцена (материалы конференции) // Вопросы философии. 2010. № 12.

²⁶ Письма были обращены к М.А. Бакунину и направлены против народившегося русского экстремизма. Как верно замечает Кантор, в них Герцен один из первых предупредил об опасности радикального переустройства мира. Первоначально письма были напечатаны на французском языке в третьем издании его книги «С того берега» в 1870 г. Русский текст писем был опубликован в «Сборнике посмертных статей

²¹ Герцен А.И. Былое и думы. Глава «Роберт Оуэн» // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 7. М., 1975. С. 322.

«Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, — пишет Герцен, — и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос»²⁷. Главное для Герцена в вопросе о влиянии человека на ход истории — это вопрос о способах и средствах этого влияния: 1) не противоречат ли они разуму, 2) не противоречат ли естественному ходу истории (не торопят ли его), 3) не противоречат ли общечеловеческим моральным нормам (хороши ли они).

История знала всякое, не раз человечеству приходилось под влиянием непродуманности своих действий (от нетерпения сердца, как сказал бы С. Цвейг) шагать семимильными шагами, шагать из первого месяца беременности в девятый, ломая без разбора всё, что попадалось ему на пути. За это приходилось расплачиваться не только человеческими жизнями, культурными потерями, утратой исторически складывавшихся традиций и выстраданных принципов организации общественной жизни, но и тем (это самое страшное), что история начинала мстить человеку: через какое-то время она без жалости отбрасывала его назад, и он оказывался не только перед руинами прошлого, но и перед поверженными идеалами будущего. Настоящее при этом для него просто утрачивало свои смыслы.

Предупреждая об этой особенности (способности) истории, Герцен писал: «Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлема всякому процессу разуменья»²⁸. Он хорошо понимал, что варварское, исключаящее эту постепенность в людских действиях, вмешательство в ход исторических событий таит реальную и страшную угрозу потерять в борьбе за идеал и идею и сам идеал, и саму идею.

Но дело не только в неспешности, дело ещё и в том, чтобы действия были взвешенные на весах разума, были подкреплены *пониманием ситуации*, основанном на *предвидении возможных последствий*, чтобы «не затесаться» в ход

истории, как Наполеон в Москву, который, как известно печально кончил. Герцен отказывается революционной ломке старого, как нарушающей естественный ход вещей и потому чреватой неминуемым поражением, в целесообразности. — «Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те *пределы* сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях ... с начала цивилизации», — уверен Герцен²⁹. В письмах «Старому товарищу» он фактически выносит такой форме вмешательства в ход истории *приговор* в виду её несоответствия природе человеческого творчества, смысл которого видел в обеспечении человеческими деяниями необходимой «*исторической попутности*». Одновременно в письмах звучит признание-раскаяние: «я не верю в прежние революционные пути...»³⁰. А с ним предостережение: «петроградизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабёфа и коммунистической барщины Кабе не пойдёт»³¹, «народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы»³², «проповедь нужна людям, — проповедь неустанная, ежеминутная, — проповедь, равно обращённая к работнику и хозяину»³³. К Герцену приходит убеждение, что, вмешиваясь в ход истории с целью установления нового порядка, человек должен помнить: это оправдано только в том случае, если вмешательство явится не только «мечом рубящим», но и силой «хранительной», если удар по старому миру не уничтожит то, что достойно спасения.

Это предупреждение, подводившее итог всем историософским исканиям Герцена, к сожалению, не возымело действия, а предсмертный вопрос мыслителя «неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляют необходимость всякого шага вперёд?»³⁴ не был услышан потомками. Может, ещё услышат. Одно бесспорно, обращаться к герценовскому наследию будут ещё долго, и каждое поколение будет открывать в нем для себя что-то новое.

А.И. Герцена», подготовленном и опубликованном стараниями его сына Александра.

²⁷ Герцен А.И. Письма старому товарищу // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. М., 1975. Т. 8. С. 325.

²⁸ Там же. С. 333.

²⁹ Там же. С. 343.

³⁰ Там же. С. 336.

³¹ Там же. С. 327.

³² Там же. С. 340.

³³ Там же. С. 342.

³⁴ Там же. С. 335.

Список литературы:

1. Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 8. М., 1975.
2. Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч. в 8-и тт. Т. 3. М., 1975.
3. Герцен А.И. Былое и думы. Гл. IX «Роберт Оуэн» // Герцен А.И. Собр. соч. в восьми томах. Т. 7. М., 1975.
4. Герцен А.И. К старому товарищу // Герцен А.И. Собр. соч. в восьми томах. Т. 8. М., 1975.
5. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Избранные труды. М., 2010.
6. Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1993.
7. Володин А.И. Об историософии Герцена // Вопросы философии. 1996. № 6.
8. Зеньковский В. История русской философии (Глава 6. А.И. Герцен). М., 2001.
9. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории (Главы 5, 6). М., 1999.
10. Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973.

References (transliteration):

1. Gertsen A.I. Kontsy i nachala // Gertsen A.I. Sobr. soch. v vos'mi tomakh. T. 8. M., 1975.
2. Gertsen A.I. S togo berega // Gertsen A.I. Sobr. soch. v vos'mi tomakh. T. 3. M., 1975.
3. Gertsen A.I. Byloe i dumy. Gl. IX «Robert Ouen» // Gertsen A.I. Sobr. soch. v vos'mi tomakh. T. 7. M., 1975.
4. Gertsen A.I. K staromu tovarishchu // Gertsen A.I. Sobr. soch. v vos'mi tomakh. T. 8. M., 1975.
5. Gertsen A.I. O razvitii revolyutsionnykh idey v Rossii // Gertsen A.I. Izbrannyye trudy. M., 2010.
6. Bulgakov S.N. Dushevnyaya drama Gertsena // Bulgakov S.N. Soch. v 2-kh tomakh. T. 2. M., 1993.
7. Volodin A.I. Ob istoriosofii Gertsena // Voprosy filosofii. 1996. № 6.
8. Zen'kovskiy V. Istoriya russkoy filosofii (Glava 6. A.I. Gertsen). M., 2001.
9. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Russkaya filosofiya istorii (Glavy 5, 6). M., 1999.
10. Smirnova Z.V. Sotsial'naya filosofiya A.I. Gertsena. M., 1973.